

Ю. А. Русина*

САМИЗДАТ – ФЕНОМЕН ДИССИДЕНТСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ФОРМА ИНАКОМЫСЛИЯ

«Я на мир взираю из-под столика.
Век двадцатый — век необычайный:
Чем столетье интересней для историка,
Тем для современника печальней...»

Николай Глазков

АВТОРОМ СОВРЕМЕННОГО термина «самиздат» принято считать московского поэта, изобретателя «небывализма» в поэзии, Николая Глазкова (1919–1979), чьи стихи и прозаические миниатюры долгое время не признавались официальными печатными органами. В 50-е годы XX столетия он начал выпускать самодельные книжки, вначале рукописные, а позже напечатанные на машинке, подписанные «самсебяздат» по аналогии с «госиздатом». Подобная ситуация описана в ироничном рассказе Андрея Синявского «Графоманы» (1960), где один из писателей-неудачников, чьи рукописи не принимало ни одно издательство, изобрел «домашний» способ публикации своих книг: «На обороте последней страницы мелким шрифтом было набрано; Редактор С. Галкин. Художник-оформитель С. Галкин. Технический редактор С. Галкин. Наборщик С. Галкин. Тираж 1 экземпляр»¹. По мнению Александра Даниэля звучание слова «самиздат» носило оттенок самоиронии, которая сопровождала оппозиционные настроения до конца 1960-х годов и была неременным условием свободомыслия в закрытом обществе².

Самиздат чаще всего ассоциируется именно с литературными произведениями трудной судьбы, чей путь к читателю был усеян цензурными шипами. Действительно, появление самиздата напрямую связано с цензурой, но являлся он не только в форме художественного произведения, а мог быть и публицистической и общественно-политическим текстом. Видовой состав коллекции документов, хранящейся в Архиве «Открытое общество» в Будапеште (Open Society Archives, Budapest, Hungary) и насчитывающей около 7 тыс. документов за 1968–1991 гг., чрезвычайно разнообразен. Это – открытые письма и заявления протеста, материалы политических процессов, списки политзаключенных, очерки и философские эссе, дневники и записки политзаключенных, журнальная и газетная периодика и т.д.

Содержание понятия «самиздат» сегодня трактуется по-разному. Причем, следует подчеркнуть, что толкователями его являются, как правило, сами правозащитники и, так называемые, бывшие диссиденты.

* Русина Юлия Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург).

¹ Синявский А. Графоманы // Цена метафоры или преступление и наказание Синявского и Даниэля. М., 1989. С. 202.

² Даниэль А. История самиздата // Госбезопасность и литература на опыте России и Германии. М., 1994. С. 95.

Владимир Буковский, например, в своих воспоминаниях определяет этот термин лаконично и очень образно: «Сам сочиняю, сам редактирую, сам цензирую, сам издаю, сам распространяю и отсиживаю за него»³. Буковский называет самиздат явлением культуры и его начало связывает со стихами запрещенных, забытых и репрессированных поэтов, которые не могли быть напечатаны по цензурным соображениям. При этом известный диссидент отмечает роль пишущей машинки, которая и родила новую форму издательства, предлагая даже поставить ей памятник, наряду с монументами политическому анекдоту и гитаре⁴.

Значение пишущей машинки отмечает и Александр Даниэль: «Принципиальной разницы между самиздатом пушкинской и хрущевской эпохи нет, хотя распространение запрещенной литературы в списках смогло стать значимым общественным явлением лишь с вхождением в быт пишущих машинок»⁵. Обычная закладка в такую машинку марки «Москва» – пять листов через «копирку». Так создавал свой журнал Рой Медведев. Он ежемесячно с 1964 по 1972 год готовил подборки различных документов, которые позже были опубликованы Фондом им. Герцена в Амстердаме под названием «Политический дневник». Как пишет в своей книге Л. Алексеева, выпуски «Дневника» Р. Медведев печатал сам в пяти экземплярах, а читателями их было человек 40 знакомых историка. Поставщиками материала для «Политического дневника» также выступали друзья Медведева, среди них Евгений Фролов, ответственный работник журнала «Коммунист», имеющий доступ к неопубликованным партийным документам. На страницах «Политического дневника» Р. Медведев размышлял об ответственности за преступления периода культа личности Сталина, анализировал культ Н. С. Хрущева, рассматривал события в Чехословакии, национальный вопрос в СССР, историю внутрипартийной борьбы 1920-х гг., рецензировал работы А. Автарханова, П. Капицы и др.⁶

Изъятые страницы самиздата можно встретить в уголовно-следственных делах – тонкая, почти папиросная бумага хранит наползающие друг на друга строчки (чтобы больше вошло на лист, печатать старались как можно плотнее, вручную регулируя интервал) последних слов обвиняемых на политических процессах или книги «Собачье сердце» Михаила Булгакова.

Анатолий Марченко⁷ вспоминал, как печатали рукопись его первой книги «Мои показания» (1967 г.) о лагерях 1960-х годов⁸. Перепечатать надо было около двухсот двойных тетрадных листов, исписанных мелким почерком. «Достали три машинки, правда, одна из них сразу сломалась, так что четверо умевших печатать сменяли друг друга. Те, кто не умел печатать, диктовали им, раскладывали экземпляры, правили опечатки. Одна пара с машинкой устроилась на кухне,

³ Буковский В. К. И возвращается ветер... М., 1990. С. 109.

⁴ Там же. С. 108.

⁵ Даниэль А. История самиздата. С. 104.

⁶ Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вермонт, 1984. С. 301–302.

⁷ Марченко А. Т. (1938–1986) большую часть жизни провел в тюрьмах, лагерях и ссылке. Был осужден за «измену Родине», «нарушение паспортного режима», «клевету на советский государственный и общественный строй», «антисоветскую агитацию и пропаганду». Умер в декабре 1986 г. в чистопольской тюрьме, объявив бессрочную голодовку с требованием освободить всех политзаключенных. Автор книг: «Мои показания», «От Тарусы до Чуны», «Живи как все». В 1988 г. посмертно стал первым лауреатом учрежденной Европейским парламентом «Премии Сахарова за свободу мысли».

⁸ Марченко А. Т. Живи как все // Знамя. 1989. № 12. С. 31.

другая в комнате... На кухне постоянно кто-нибудь варил кофе или готовил бутерброды... Работали подряд двое суток, а спали по очереди...». Примерно через год книга была издана на Западе, а ее автор снова оказался в лагере.

В 1970-е годы к перепечатке самиздата были привлечены профессиональные машинистки, труд которых оплачивался за счет продажи самиздатских произведений, на которые имелся спрос⁹.

Определяя самиздат, Людмила Алексеева отмечает, что он «оказался единственно возможной формой преодоления государственной монополии на распространение идей и информации»¹⁰. По ее мнению, самиздат начинался со стихов А. Ахматовой, М. Цветаевой, М. Волошина, Н. Гумилева, И. Бродского, которые читались в Москве на «сходках под открытым небом» у памятника В. Маяковскому в конце 1950-х годов. Наряду со стихами, среди читателей самиздата «ходили» мемуары, написанные освобожденными из лагерей политзаключенными.

Помимо произведений отечественных авторов, самиздат использовался также для распространения переводов, тайно сделанных добровольцами (Э. Хемингуэй, Дж. Оруэлл, Р. Киплинг). Кроме того, появилась традиция перепечатывать на машинке для себя и своих знакомых произведения, которые не в полной мере соответствовали традициям советской литературы и вышли небольшим тиражом либо в журнальном варианте, например, роман В. Дудинцева «Не хлебом единым». Из крупных литературных полотен первым широкое распространение в самиздате получил роман Б. Пастернака «Доктор Живаго». Роман был издан за границей и вернулся на родину тайными путями в виде «тамиздата», а затем неоднократно копировался с помощью уже неоднократно упомянутой пишущей машинки. Позже в такой форме начали «ходить» мемуарные произведения представителей русского зарубежья, работы философов серебряного века и др.

Интересно отметить, что одно и то же произведение могло последовательно пройти путь от самиздатской литературы к официальной, например, «По ком звенит колокол» Э. Хэмингуэя и, наоборот, как рассказы А. Солженицына.

А во второй половине 60-х гг. XX в. в самиздате выделяется еще одно направление – диссидентские тексты с правозащитной тематикой. Одними из первых документов, получивших широкое нелегальное «хождение», стали:

– стенограмма собрания в Союзе писателей 1958 г., на котором Л. Пастернак был осужден за публикацию своего романа за границей;

– запись судебного процесса 1964 г. над И. Бродским.

Создатель Комитета по правам человека в СССР Валерий Чалидзе называет собрание и публикацию в самиздате информации о нарушении прав человека в СССР – одним из основных направлений деятельности правозащитников¹¹. Так же оценивает самиздат участница знаменитой демонстрации на Красной площади против ввода советских войск в Чехословакию в августе 1968 г. Лариса Богораз, перечисляя формы диссидентской деятельности: «получение и распространение той информации, которая по идеологическим соображениям не затрагивалась или искажалась советской печатью; система помощи политзаключенным и их семьям; участие в самиздатской деятельности»¹².

⁹ Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вильнюс; Москва, 1992. С. 210.

¹⁰ Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вермонт, 1984. С. 242.

¹¹ Чалидзе В. Права человека в Советском Союзе. Нью-Йорк, 1974. С. 64.

¹² Богораз Л., Даниэль А. Диссиденты // 50/50. Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 414.

Интересна точка зрения Александра Даниэля, который под словом «самиздат» подразумевает не сам текст, а, скорее, способ его бытования. В связи с этим, по его мнению, не все тексты, не прошедшие цензуру, могут называться самиздатом. По определению А. Даниэля, «самиздат – это специфический способ бытования общественно значимых неподцензурных текстов, состоящий в том, что их тиражирование происходит вне авторского контроля, в процессе их распространения в читательской среде»¹³.

Не всякий документ диссидентского движения есть факт самиздата, считает А. Даниэль, так как многие письма протеста не имели достаточного тиражирования, но всякий текст самиздата, в том числе, относящийся к традиционному его толкованию, есть факт диссидентства. И любой оппозиционный документ имеет самостоятельную научную ценность, не зависимо от широты его известности в оппозиционной среде.

Способом определения «самиздатности» диссидентского текста А. Даниэль называет появление его в самиздатском периодическом издании или сборнике. Включение материалов в такие тематические сборники или журналы оппозиционного толка способствовало распространению названных документов и, следовательно, превращению их в самиздат. Пионерами такого рода изданий были: сборник документов «Белая книга по делу Синявского – Даниэля» (1966), изданная А. Гинзбург, журнал «Хроника текущих событий» и др.¹⁴

Выход в самиздате «Белой книги» стал одним из последствий суда над Андреем Синявским и Юлием Даниэлем, опубликовавшими свои произведения за границей. Сборник включал записи судебных заседаний, газетные статьи о деле писателей и письма в их защиту. Кампанию писем начали жены арестованных. В декабре 1965 г. жена Ю. Даниэля Лариса Богораз написала письмо генеральному прокурору, где высказала протест против ареста за художественное творчество и незаконные приемы следствия. Тон и аргументы письма были новаторскими для 1965 года. Письма в защиту А. Синявского и Ю. Даниэля были рассчитаны, скорее, не на чиновников, которым адресованы, а на читателей самиздата. Целью этих писем было заявить о неприятии официальной точки зрения на проблему взаимоотношений личности и государства.

В последующие годы такого рода писем будет написано огромное количество. Анализ материалов Архива Самиздата, хранящегося в Архиве «Открытое общество» в Будапеште показывает, что за 1960–1970-е гг. большую часть коллекции составляют именно эти документы. Создание и распространение открытых писем, обращений и заявлений можно назвать одним из основных методов борьбы с режимом и проявления несогласия интеллигенции с проводимой внутренней политикой. Участвовали в подписании этих петиций самые различные слои интеллигенции от учителей и инженеров до ученых высокого ранга. Достаточно вспомнить нашумевшие в конце 1960-х гг.: «Письмо 24-х деятелей культуры против закрытых судебных процессов и отсутствия гласности», «Письмо 25-ти деятелей культуры Л. И. Брежневу о тенденции к реабилитации Сталина» и др.

Появление нелегальных журналов означало, с одной стороны, качественный рост и развитие самого самиздата, а, с другой, организационное оформление оппозиционных движений. Едва ли не самым заметным явлением в истории советского самиздата было издание информационного бюллетеня правозащитников

¹³ Даниэль А. История самиздата. С. 96.

¹⁴ См: Русина Ю. А. Журналы в самиздате 1960-х – 1970-х гг. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2001. С. 279–295.

«Хроника текущих событий». А можно сказать и так: история «Хроники» – это часть истории правозащитного движения.

Первый выпуск «Хроники текущих событий» (ХТС) появился ровно 40 лет назад – 30 апреля 1968 г. На титульном листе в качестве эпиграфа была приведена 19-я статья из «Всеобщей декларации прав человека»: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ»¹⁵. Издание «Хроники» продолжалось до 1982 г., когда вышел в свет ее последний, 65-й выпуск. За годы своего существования бюллетень из 15–20 страниц машинописи превратился в солидные журнальные номера, состоящие из сотни и более листов. Вся 15-летняя подборка выпусков ХТС (в настоящее время она доступна в сети Интернет на странице Общества «Мемориал») насчитывает около 4 тыс. машинописных листов¹⁶. Ко второй половине 1970-х гг. сформировалась тематика бюллетеня и его основные разделы: «Суды», «Аресты», «Внесудебные преследования», «Обыски и допросы», «В тюрьмах и лагерях», «В психиатрических больницах», «Преследования верующих», «Преследования крымских татар», «Право на выезд», «Еврейское движение», «События на Украине, в Литве, Армении, Грузии», «По страницам советской печати», «После освобождения», «В ссылке», «Письма и заявления», «Биографии», «Официальные документы», «Новости самиздата»¹⁷. Большинство документов, появлявшихся в самиздате (а их более 6 тыс.), попадали на страницы «Хроники». Тысячи ее машинописных листов хранят в себе не только сведения об акциях протеста, фактах репрессий и нарушений прав человека, они отражают судьбы сотен и сотен людей, их идеи и взгляды, их стремление жить в стране, где человек является высшей ценностью.

Рассматривая характерные черты самиздата, А. Даниэль отмечает, что в основе его, как и диссидентского движения в целом, лежит идея не столько борьбы с режимом, сколько игнорирование его предписаний. Это модель поведения человека внутренне свободного, живущего в несвободном обществе. Самиздат (художественный, политический, научный) и стал механизмом реализации одной из наиболее важных свобод, признанных человеческим обществом – свободы слова. Вследствие чего правозащитники и называют его основным инструментом инакомыслия¹⁸.

Самиздата, таким образом, представлен разными видами источников. Письма, заявления протеста и обращения по поводу арестов, помещений в психиатрические больницы, организации судебных процессов над правозащитниками, писателями, запретов выезда из СССР, преследований верующих и других нарушений прав человека – основной способ выражения несогласия – можно рассматривать как один из главных исторических источников по данной теме.

Частью самиздата являются журналы, «Хроника текущих событий», «Политический дневник», «Общественные проблемы», «Вече», «Еврейский журнал в

¹⁵ Архив Самиздата (АС) № 060, Хроника текущих событий (ХТС), выпуск 1, 30 апреля 1968 г., Fond 300, sub-fond 85, series 11, Open Society Archives, Budapest, Hungary. (HU-OSA, 300/85/11).

¹⁶ См.: www.memo.ru/history/diss/

¹⁷ Русина Ю. А. «“Хроника текущих событий” – самое большое завоевание правозащитников...». К истории советской подпольной периодики 1960-х – 1980-х годов // Известия Уральского государственного университета. 2003. № 14. С. 120–129.

¹⁸ Даниэль А. История самиздата. С. 103–104.

самиздате» и др., которые имели особое значение для развития движения, распространения информации и свидетельствовали о разных сторонах деятельности инакомыслящих, их стремлении осмыслить социальные и политические процессы, происходящие в Советском Союзе.

В материалах судебных процессов хотелось бы обратить внимание на такой документ, как «последнее слово обвиняемого», который можно рассматривать в качестве особой разновидности источников для изучения хода движения, развития его идеологии и персонального состава.

Литературные произведения правозащитников и писателей-нонконформистов, вышедшие в самиздате или «тамиздате» и послужившие причиной преследований, отражают как творчество, так и специфику мировоззрения инакомыслящих.

Являясь элементом культуры оппозиционных движений, самиздат выражал интересы той части общества, чьи представления о свободе и демократии не совпадали с реалиями, насаждаемыми советским режимом. Кроме того, этот документальный комплекс имеет колоссальный научный потенциал, как богатейший исторический источник, позволяющий изучить феномен диссидентского движения в СССР, выделяя различные его формы: движение за права человека, национальные и религиозные движения, инакомыслие в творчестве (нонконформизм) и др. Материалы самиздата отражают все ключевые события, факты, акции протеста, связанные с историей инакомыслия в СССР в 1960–1980-е гг.